

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1950**

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

**ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

ТОМ VI

ПЬЕСЫ

1871 — 1874

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1950

Составитель тома К. Н. Державин

Подготовка пьес и комментарии к ним:
Н. В. Водовозова («Комик XVII столетия»), Е. В. Измайловой («Лес»),
А. Н. Михайловой («Не было ни гроша,
да вдруг алтын», «Поздняя любовь»),
А. И. Ревякина («Не все коту масленица»).

ПЬЕСЫ

ЛЕС

Комедия в пяти действиях

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЛИЦА:

Раиса Павловна Гурмыжская, вдова, лет 50-ти с небольшим, очень богатая помещица, одевается скромно, почти в трауре, постоянно с рабочим ящиком на руке.

Аксинья Даниловна (Аксюша), ее дальняя родственница, бедная девушка лет 20-ти, одета чисто, но бедно, немного лучше горничной.

Евгений Аполлоныч Милонов, лет 45-ти, гладко причесан, одет изысканно, в розовом галстуке.

Уар Кирилыч Бодаев, лет 60-ти, отставной кавалерист, седой, гладко стриженный, с большими усами и бакенбардами, в черном сюртуке, наглухо застегнутом, с крестами и медалями по-солдатски, с костылем в руке, немного глух.

Богатые
соседи
Гурмыж-
ской.

Иван Петров Восмибратов, купец, торгующий лесом.

Петр, его сын.

Алексей Сергеевич Буланов, молодой человек, недоучившийся в гимназии.

Карп, лакей Гурмыжской.

Улита, ключница.

Усадьба Гурмыжской, верстах в 5-ти от уездного города. Большая зала. Прямо две двери: одна входная, другая в столовую; направо от зрителей окно и дверь в сад; налево две двери: одна во внутренние комнаты, другая в коридор. Богатая старинная мебель, трельяжи, цветы, у окна рабочий столик, налево круглый стол и несколько кресел.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Карп стоит у двери в сад, входит Аксюша.

Аксюша. Раиса Павловна звали меня?

Карп. Так точно-с; только теперь гости приехали, так они в саду.

Аксюша (*вынув из кармана письмо*). Послушай, Карп Савельич, не можешь ли ты?..

Карп. Что вам угодно-с?

Аксюша. ...Передать. Ты уж знаешь кому.

Карп. Да как же, барышня? Теперь ведь уж словно как неловко. Правда ль, нет ли, у тетиньки такое есть желание, чтоб вам за барчонком быть.

Аксюша. Ну, не надо; как хочешь. (*Отворачивается к окну.*)

Карп. Да уж пожалуйста. Для вас отчего же... (*Берет письмо.*)

Аксюша (*глядя в окно*). Продала Раиса Павловна лес?

Карп. Продали Ивану Петрову. Все продаем-с, а чего ради?

Аксюша. Не хочет, чтоб наследникам осталось; а деньги можно и чужим отдать.

Карп. Надо полагать-с. Мудрено сотворено.

Аксюша. Говорит, она эти деньги хочет за мной в приданое дать.

Карп. Дай-то бог!

Аксюша (*очень серьезно*). Не дай бог, Карп Савельич!

Карп. Ну, как угодно-с. Я к тому, что все же лучше, пусть в приданое пойдут, чем туда же, куда и прочие.

Аксюша. Куда прочие... а куда же прочие?

Карп. Ну, это вам, барышня, и понимать-то невозможно, да и язык-то не поворотится сказать вам. Алексей Сергееч идут. (*Отходит от двери.*)

Аксюша смотрит в окно, Буланов входит.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Аксюша, Буланов, Карп, потом Улита.

Буланов (*Карпу*). Что ж, ты набил мне папиросы?

Карп. Никак нет-с.

Буланов. Отчего же нет? Ведь я тебе велел.

К а р п. Мало что велели! А когда мне?

Б у л а н о в. Нет, уж вы здесь зазнались очень. Вот что. Я вот Раисе Павловне скажу.

К а р п. Не скажете; вы при них и курить-то боитесь.

Б у л а н о в. Боитесь... Чтoб были набиты! Не десять раз тебе говорить! *(Увидав Аксюшу, подходит к ней и очень развязно кладет ей на плечо руку.)*

А к с ю ш а *(быстро обернувшись)*. Что вы! С ума сошли?

Б у л а н о в *(обижаясь)*. Ах!! Извините! Что вы такой герцогиней смотрите, красавица вы моя?

А к с ю ш а *(почти сквозь слезы)*. За что вы меня обижаете? Я вам ничего не сделала. Что я здесь за игрушка для всех? Я такой же человек, как и вы.

Б у л а н о в *(равнодушно)*. Нет, послушайте; вы в самом деле мне нравитесь.

А к с ю ш а. Ах, да мне-то что до этого за дело! Какое вы имеете право трогать меня?

Б у л а н о в. Что вы все сердитесь, неизвестно за что? Эка важность! Уж и тронуть нельзя! Свое, да не трогать! Кто ж мне запретит?

А к с ю ш а *(строго)*. А если не ваше, если чужое? Тогда что?

Б у л а н о в. Что за капризы! Надоело. Этак вы все дело испортите.

А к с ю ш а. Какое дело?

Б у л а н о в. Какое... Будто не знаете? Вот какое: Раисе Павловне угодно, чтоб я женился на вас. А что Раисе Павловне угодно...

А к с ю ш а. Тому и быть?

Б у л а н о в. Разумеется. Мы с вами люди бедные... Дождаться, покуда прогонят? Нет, уж покорно благодарю. Куда мне? Опять к маменьке? Бить сорок-ворон за чужим двором?

К а р п. Поттише, сударь! Улита идет.

Входит У л и т а и чего-то ищет.

Вам чего здесь?

У л и т а. Я, кажется, забыла...

К а р п. Ничего вы не забыли, это вы напрасно. У вас есть свой департамент, мы к вам не ходим.

Улита уходит.

Вот так-то лучше!.. Самая проклятая женщина!

Бу л а н о в. Расчет прямой; кажется, можно понять.

А к с ю ш а. Да я понимаю.

Бу л а н о в. Так и упрямитесь нечего. Перед кем здесь неприступность-то разыгрывать? Ведь Раиса Павловна обещает много денег дать; чего ж еще? Креститься надо обеими руками.

А к с ю ш а. Иное можно купить за деньги, а другого нельзя.

Бу л а н о в (*презрительно улыбаясь*). Философия! (*Серьезно.*) Вы толку в деньгах не знаете, оттого так и разговариваете. Видно, нужды-то не видали? А тут впереди жизнь приятная... За деньги-то люди чорту душу закладывают, а не то, чтоб отказываться.

Показывается У л и т а.

К а р п. Что вы шмыгаете взад и вперед? Не видали вас тут? Здесь комнаты чистые.

У л и т а. Уж и войти нельзя!

К а р п. Как это вы себе покою не найдете? Мечетесь вы, как угорелая кошка. Позовут вас, тогда другое дело.

Улита уходит.

А к с ю ш а. Насильно мил не будешь, Алексей Сергееч.

Бу л а н о в. Ну, да уж я добьюсь своего; у меня не отвертятся. Ведь вам лучше меня здесь не найти.

А к с ю ш а (*тихо*). Ошибаетесь. Захочу поискать, так найду, а может, уж и нашла. (*Карпу.*) Если Раиса Павловна спросит, я буду в своей комнате. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Бу л а н о в и К а р п.

К а р п (*подходя*). Ах, барин, барин!

Бу л а н о в. А что, Карп?

К а р п. Молоды вы очень.

Бу л а н о в. Знаю, что молод.

К а р п. А это нехорошо.

Бу л а н о в. Что ж мне делать-то?

К а р п. Это не к пользе вашей... А вы старайтесь..

Бу л а н о в. Уж как ни старайся, а вдруг лет не прибавится: я только из гимназии.

Ка р п. Да что гимназия! Другие и в гимназии не были, да какие ловкие.

Бу л а н о в. Да на что ловкие-то?

Ка р п. Да на все, а уж особенно, что мимо рук-то плывет.

У л и т а показывается из коридора.

Опять? Тыфу! Брысь ты, окаянная!

У л и т а (*скрываясь*). Обидчик!

Бу л а н о в (*задумчиво*). Да?.. Ну, что ж?

Ка р п. То-то «да». Вы что барышню-то тревожите! Какой тут авантаж?

Бу л а н о в. Все-таки...

Ка р п. Осторожнее надо, сударь; недаром Улита тут ползает, перенесет сейчас. А понравится ли барыне? Еще неизвестно, куда вас Раиса Павловна определяют. Они хоть и барыня, а ведь их дело женское: никак даже невозможно этого знать, что у них на уме. Вдруг одно, и сейчас другое; у них в мыслях не то, что на неделе, на дню до семи перемен бывает. Вот вы говорите: жениться; а может, что другое заставят делать! Вы своей воли не имеете; привезли вас на пропитание, так как маменька у вас в бедности... А вы хотите... Уж вы и смотрите все в глаза.

Бу л а н о в. В глаза?

Ка р п. Беспременно. Так всё ходите и смотрите, потому от них зависимы... А там по времени, из разговора или из чего и можете понять... Барыня идет. (*Уходит.*)

Буланов поправляет волосы и покручивает усики. Входят
Гурмыжская, Милонов и Бодаев.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гурмыжская, Милонов, Бодаев, Буланов.

Г у р м ы ж с к а я. Я вам говорила, господа, и опять повторяю: меня никто не понимает, решительно никто. Понимает меня только наш губернатор да отец Григорий...

М и л о н о в. И я, Раиса Павловна.

Г у р м ы ж с к а я. Может быть.

М и л о н о в. Раиса Павловна, поверьте мне, все высокое и все прекрасное...

Г у р м ы ж с к а я. Верю, охотно верю. Садитесь, господа!

Б о д а е в (откашливаясь). Надоели.

Г у р м ы ж с к а я. Что вы?

Б о д а е в (грубо). Ничего. (Садится поодаль.)

Г у р м ы ж с к а я (заметив Буланова). Алексис, Алексис! Вы мечтаете? Господа, представляю вам молодого дворянина Алексея Сергеевича Буланова.

Буланов раскланивается.

Судьба его очень интересна, я вам сейчас расскажу. Алексис, погуляйте в саду, мой друг.

Буланов уходит. Гурмыжская и Милонов садятся у стола.

М и л о н о в. Ваш родственник, вероятно?

Г у р м ы ж с к а я. Нет, не родственник. Но разве одни родственники имеют право на наше сострадание? Все люди нам ближние. Господа, разве я для себя живу? Все, что я имею, все мои деньги принадлежат бедным;

Бодаев прислушивается.

я только конторщица у своих денег, а хозяин им всякий бедный, всякий несчастный.

Б о д а е в. Я не заплачу ни одной копейки, пока жив; пускай описывают имение.

Г у р м ы ж с к а я. Кому не заплатите?

Б о д а е в. На земство, я говорю.

М и л о н о в. Ах, Уар Кирилыч, не о земстве речь.

Б о д а е в. Никакой пользы, один грабеж.

Г у р м ы ж с к а я (громко). Подвиньтесь поближе, вы нас не слышите.

Б о д а е в. Да, не слышу. (Садится к столу.)

Г у р м ы ж с к а я. Этот молодой человек, господа, сын одной моей приятельницы. Я встретила с ней в прошлом году в Петербурге. Прежде, давно уж, мы жили с ней совершенно как сестры; но потом разошлись: я овдовела, а она вышла замуж. Я ей не советовала; испытавши сама, я получила отвращение к супружеству.

Б о д а е в. К супружеству, но не к мужчинам?

Гурмыжская я. Уар Кирилыч!

Бодаев. Да я почем же знаю; я только спрашиваю. Ведь разные бывают характеры.

Гурмыжская я (шутя). И к мужчинам, особенно таким, как вы.

Бодаев (привстает, опираясь на костыль, и кланяется). Премного вам за это благодарен.

Милонов. Раиса Павловна строгостью своей жизни украшает всю нашу губернию; наша нравственная атмосфера, если можно так сказать, благоухает ее добродетелями.

Бодаев. Лет шесть тому назад, когда слух прошел, что вы приедете жить в усадьбу, все мы здесь перепугались вашей добродетели: жены стали мириться с мужьями, дети с родителями; во многих домах даже стали тише разговаривать.

Гурмыжская я. Шутите, шутите. А вы думаете, мне без борьбы досталось это уважение? Но мы удаляемся от нашего разговора. Когда мы встретились в Петербурге, моя подруга уж давно овдовела и, разумеется, глубоко раскаивалась, что не послушалась моих советов. Она со слезами представила мне своего единственного сына. Мальчик, как вы видите, на возрасте.

Бодаев. В солдаты годится.

Гурмыжская я. Вы не судите по наружности. Он, бедный, слаб здоровьем, и, представьте себе, какое несчастье! Он поэтому отстал от своих товарищей, так что все еще был в гимназии и, кажется, даже еще в средних классах. У него уж и усики, и мысли совсем другие, и дамы стали им интересоваться; а он должен с мальчиками, шалунами, ходить в школу. Это унижало его, он скучал, удалялся от людей, бродил один по глухим улицам.

Бодаев. Не по Невскому ли?

Гурмыжская я. Он страдал, страдала и мать; но средств помочь горю у ней не было. Имение совершенно разорено, сын должен учиться, чтоб кормить мать; а учиться прошло и время, и охота. Ну, теперь, господа, судите меня, как хотите. Я решилась сделать три добрых дела разом.

Бодаев. Три? Любопытно.

Гурмыжская я. Успокоить мать, дать средства сыну и пристроить свою племянницу.

Бодаев. Действительно, три.

Гурмыжская. Я выписала сюда на лето молодого человека; пусть они познакомятся; потом женю их и дам за племянницей хорошее приданое. Ну, теперь, господа, я покойна, вы знаете мои намерения. Хотя я и выше подозрений, но, если б нашлись злые языки, вы можете объяснить, в чем дело.

Милонов. Все высокое и все прекрасное найдет себе оценку, Раиса Павловна. Кто же смеет...

Бодаев. Ну, отчего же не смеет? Никому не закажешь; на это цензуры нет.

Гурмыжская. Впрочем, я мало забочусь об общественном мнении; я делаю добро и буду делать, а там пусть говорят, что хотят. В последнее время, господа, меня томит какое-то страшное предчувствие, мысль о близкой смерти ни на минуту не покидает меня. Господа, я умру скоро, я даже желаю, желаю умереть.

Милонов. Что вы! Что вы! Живите! Живите!

Гурмыжская. Нет, нет, и не просите.

Милонов. Ведь это будут слезы, горькие слезы.

Гурмыжская. Нет, господа, если-я не нынче умру, не завтра, во всяком случае скоро. Я должна исполнить долг свой относительно наследников. Господа, помогите мне советом.

Милонов. Прекрасно, прекрасно.

Гурмыжская. У меня близких родных только племянник моего мужа. Племянницу я надеюсь пристроить при жизни. Племянника я не видала пятнадцать лет и не имею о нем никаких известий; но он жив, я знаю. Я надеюсь, что ничто не препятствует мне назначить его своим единственным наследником.

Милонов. Полагаю.

Бодаев. Да о чем и толковать?

Гурмыжская. Благодарю вас. Я так и сама думала. Он меня не забывает, каждый год присылает мне подарки, но писем не пишет. Где он — неизвестно, и я не могу писать к нему; а я еще ему должна. Один должник его отца принес мне старый долг; сумма хотя небольшая, но она тяготит меня. Он точно скрывается от меня; все подарки я получила из разных концов России: то из Архангельска, то из Астрахани, то из Кишинева, то из Иркутска.

Милонов. Какое же его занятие?

Гурмыжская. Не знаю. Я его готовила в военную службу. После смерти отца он остался мальчиком пятнадцати лет, почти без всякого состояния. Хотя я сама была молода, но имела твердые понятия о жизни и воспитывала его по своей методе. Я предпочитаю воспитание суровое, простое, что называется, на медные деньги; не по скупости, нет, а по принципу. Я уверена, что простые люди, неученые, живут счастливее.

Бодаев. Напрасно! На медные деньги ничего хорошего не купишь, а тем более счастья.

Гурмыжская. Но ведь он не жалуется на свое воспитание, он даже благодарит меня. Я, господа, не против образования, но и не за него. Развращение нравов на двух концах: в невежестве и в излишестве образования; добрые нравы посередине.

Милонов. Прекрасно, прекрасно.

Гурмыжская. Я хотела, чтоб этот мальчик сам прошел суровую школу жизни; я приготовила его в юнкера и предоставила его собственным средствам.

Бодаев. Оно покойнее.

Гурмыжская. Я иногда посылала ему денег, но, признаюсь вам, мало, очень мало.

Бодаев. И он стал воровать, разумеется.

Гурмыжская. Ошибаетесь. Вот посмотрите, что он писал мне. Я это письмо всегда ношу с собою. (*Вынимает письмо из коробки и подает Милонову.*) Прочитайте, Евгений Аполлоныч!

Милонов (*читает*). «Тетинька моя и благодетельница, Раиса Павловна! Сие излагаемое мною применительно к обстоятельствам моим, жизни, письмо пишу вам, с огорчением при недостатках, но не с отчаянием. О, судьба, судьба! Под гнетом собственного своего необразования, пристыжаемый против товарищей, я предвижу неуспех в своей карьере к достижению».

Бодаев. До сих пор лестного немного для вас и для него.

Гурмыжская. Слушайте дальше.

Милонов. «Но не утрашусь! Передо мною слава, слава! Хотя скудное подаяние ваше подвергало меня не раз на край нищеты и гибели; но лобызаю вашу ручку. От юных лет несовершеннолетия до совершенного возраста я

был в неизвестности моих предназначений; но теперь все передо мной открыто».

Бодаев. И вам не стыдно, что ваш племянник, дворянин, пишет, как кантонист.

Гурмыжская. Не в словах дело. По-моему, это прекрасно написано, тут я вижу чувство неиспорченное.

Входит Карп.

Карп. Иван Петров Восмибратов пришел с сыном-с.

Гурмыжская. Извините, господа, что я при вас приму мужика.

Бодаев. Только вы с ним поосторожнее, он плут большой руки.

Гурмыжская. Знаете, он такой хороший семьянин; это — великое дело.

Бодаев. Семьянин-то — семьянин, а чище всякого обманет.

Гурмыжская. Не верю, не верю, не может быть.

Милонов. Мы с вами точно сговорились; я сам горячий защитник семейных людей и семейных отношений. Уар Кирилыч, когда были счастливы люди? Под кущами. Как жаль, что мы удалились от первобытной простоты, что наши отеческие отношения и отеческие меры в применении к нашим меньшим братьям прекратились! Строгость в обращении и любовь в душе, — как это гармонически изящно! Теперь между нами явился закон, явилась и холодность; прежде, говорят, был произвол, но зато была теплота. Зачем много законов? Зачем определять отношения? Пусть сердце их определяет. Пусть каждый сознаёт свой долг! Закон написан в душе людей.

Бодаев. Оно так, кабы только поменьше мошенников, а то больно много.

Гурмыжская (Карпу). Зови, поди, Ивана Петрова!

Карп уходит. Входят Восмибратов и Петр.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Гурмыжская, Милонов, Бодаев, Восмибратов, Петр.

Гурмыжская. Садись, Иван Петрович!

Восмибратов (раскланивается и садится). Петр, садись!

Петр садится у самой двери на край стула.